

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Соснина М.А. — Провинциальная правовая культура северного крестьянства в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в. в России // Юридические исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.5.38844 EDN: PTDFJS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38844

Провинциальная правовая культура северного крестьянства в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в. в России

Соснина Мария Александровна

старший преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет

163002, Россия, Архангельская область, г. Архангельск, пр. Ломоносова, 58, оф. 106

✉ SosninaAGTU@yandex.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.5.38844

EDN:

PTDFJS

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2022

Аннотация: Предметом исследования является правовая культура северного крестьянства пореформенной России в период с 1861 по 1917 гг. Реализация буржуазных реформ второй половины XIX в. была обусловлена отсутствием частнофеодальной зависимости большинства северного крестьянства и ярких региональных аспектов крестьянской общины. Под влиянием истории заселения, рода занятий, климатических и социально-экономических условий существования, а также государственного регулирования крестьянской общины на Европейском Севере сформировалась провинциальная правовая культура северного крестьянства. Через призму проводимых во второй половине XIX в. буржуазных реформ в статье анализируется её качественное состояние и внешнее проявление. В исследовании используется формально-юридический метод, а также многомерный статистический анализ путём выявления, интерпретации содержания и взаимосвязей смысловых единиц протоколов волостных судов, нормативных правовых актов, норм обычного права. На основе осмысления архивного материала и сведений дореволюционных периодических изданий, вводимых в научный оборот впервые, обоснованы выводы о достаточно высоком уровне правовой культуры крестьянства и готовности населения к включению в общую для всех сословий правовую культуру российского общества. Исследование

основных результатов крестьянской, судебной и земской реформ в северных губерниях приводит к выводу о противоречивости и неэффективности политики правительства Российской Империи в области крестьянского вопроса, нерешённость которого привела к проблемам не только экономического, но и политического характера. Противоречивый характер реформ, их неравномерная реализация замедлили демократические процессы и нарушили принцип равенства всех перед законом.

Ключевые слова:

северное крестьянство, правовая культура, Европейский Север, крестьянская реформа, судебная реформа, земская реформа, волостной суд, правовой обычай, закон, крестьянская община

Несмотря на достаточно обширную историографию, посвящённую правовой культуре крестьян, вышедших из крепостной зависимости в 1861 г., проблема историко-правового исследования уровня правовой культуры государственных крестьян – пробел в историографии буржуазных реформ второй половины XIX в. Актуальность исследования обоснована тем, что государственная (казённая) деревня занимала особое место в социально-экономической структуре Российской империи.

Дискуссии по вопросу об уровне правовой культуры начались ещё в историографии дореволюционного периода. Такие авторы как С. В. Пахман, И. Г. Оршанский, П. Скоробогатый, А. А. Леонтьев, Г. А. Дашкевич, А. А. Чарушин, считали, что крестьяне не готовы к включению в общее правовое поле пореформенной России, поскольку являются носителями уникальной правовой культуры, несовместимой с официальным законодательством, которое не регулировало основные вопросы крестьянских правоотношений.

Из наиболее значимых работ современного периода необходимо отметить работы В. Б. Безгина, Л. И. Земцова, А. В. Кириллина, Б. Н. Миронова, Т. А. Тарабановой, Т. В. Шатковской, И. Н. Скуратовой, М.А. Мельничук и др. Доминирующая в дореволюционной и современной историографии точка зрения о низком уровне правовой культуры крестьянства всё чаще находит опровержение в связи с региональными архивными исследованиями документов волостных правлений, а именно решений волостных судов. Таким образом, изучение пореформенной деревни с учётом её социальной и региональной неоднородности – важный шаг на пути к формированию концептуального подхода в этом вопросе.

Поскольку на сегодняшний день отсутствует исследование по правовой культуре бывших государственных крестьян пореформенного периода истории России, цель настоящей статьи через призму проводимых во второй половине XIX в. буржуазных реформ проанализировать её качественное состояние и внешнее проявление. Объектом научной работы стала государственная деревня, а предметом исследования – правовая культура северного крестьянства пореформенной России в период с 1861 по 1917 гг. В исследовании используется формально-юридический метод, а также многомерный статистический анализ путём выявления, интерпретации содержания и взаимосвязей смысловых единиц протоколов волостных судов, нормативных правовых актов, норм обычного права.

Хронологические рамки исследования включают 1861 – 1917 гг. Выбор периода связан, прежде всего, с началом функционирования официальных крестьянских судов не только

в государственной деревне (по реформе 1837 – 1841 гг. П.Д. Киселёва), но и в связи с их распространением на бывших помещичьих крестьян в ходе крестьянской реформы 1861 г. Географические рамки включают территорию распространения системы волостных судов Российской империи в части законодательного регулирования в пореформенный период. Для объяснения специфики проблематики настоящего исследования в части правовой культуры северного крестьянства в уникальных условиях волостной юстиции бывшей государственной деревни берутся материалы Архангельской губернии в границах 1861–1917 гг. Самобытность историко-правового развития Архангельской губернии, заключающаяся в отсутствии частнофеодальной зависимости, региональных аспектов крестьянской общины, уникальных условиях землепользования, более позднем введении мировой юстиции и отсутствии суда присяжных, определила особенности провинциальной правовой культуры северных крестьян.

Настоящее исследование дополняет уже имеющиеся в историко-правовой науке обобщения для воссоздания механизма осуществления важнейших государственных преобразований эпохи, позволяет определить общее и особенное в процессе проведения буржуазных реформ в различных регионах страны, тем более, что специфика обычного права и нормативной базы предусматривали эти различия.

История Российской империи второй половины XIX в. связана с попыткой трансформации сословного российского общества в общество в бессословное. Безусловно, буржуазные реформы, начатые Александром II, были нацелены на достижение быстрого результата. Судебную реформу, например, предполагалось реализовать в течение четырёх лет, а на практике процесс проведения в жизнь одной из ключевых реформ затянулся на сорок лет. Земская реформа, к большому сожалению провинциальных губернаторов, не была реализована в отдалённых от центра губерниях, хотя на острую необходимость введения земств неоднократно докладывалось Министерству внутренних дел со стороны местной власти [\[14; с. 264\]](#), [\[7; с. 10 – 11\]](#). Отмена крепостного права легла непосильным бременем на плечи российского крестьянства, а процесс включения последнего в гражданское общество так и не был завершён до 1917 г. Такое положение дел можно объяснить несколькими особенностями развития государственно-правовой и общественной системы Российской империи.

Во-первых, состояние российского общества на протяжении достаточно длительного периода (с начала XVIII в. до начала буржуазных реформ) необходимо оценивать как полярное, с двумя сословными полюсами – дворянством и крестьянством, общественные отношения которых регламентировались законодательством и обычаем соответственно.

Во-вторых, обширная территории Российской империи отнюдь не отличалась равномерным развитием в силу географических, экономических, социальных и культурных особенностей регионов. Более того, крестьянство по составу также характеризовалось неоднородностью внутри группы. К началу крестьянской реформы сложились три основные группы крестьян: крепостные, государственные и удельные. Управление ими находилось в вотчинной юрисдикции или в руках чиновников разных ведомств, что также явилось причиной одновременного распространения актов крестьянской реформы на бывших крепостных, государственных и удельных крестьян.

В-третьих, нельзя не остановиться на причинах политического характера. Проведение в жизнь буржуазных реформ сопровождалось острыми политическими дискуссиями между представителями разных общественно-политических направлений. С одной стороны, либералы считали вполне своевременным проведение буржуазных реформ в России, тогда как консерваторы считали их преждевременными. Особняком в этом споре

«модернистов» и «охранителей» стояли «народные» авторы, которые находились на позиции проведения либеральных реформ с учётом самобытности правовой культуры крестьянского сословия.

Правовая культура – понятие многогранное и многоаспектное. В современной юридической литературе сложилось несколько подходов к определению данного понятия: антропологический, социологический (ценностный), философский. Однако, ценностный подход противопоставляется деятельностному, а деятельностный – рассмотрению правовой культуры как качественного состояния жизни общества. Все вместе вышеперечисленные подходы создают целостное представление о правовой культуре как:

1. Совокупности правовых ценностей, накопленных обществом на определённом этапе своего развития;
2. Способа деятельности (существования) человека в правовой сфере;
3. Качественного состояния правовой жизни общества [\[6; с. 8\]](#).

Правовую культуру всего общества, вместе с тем, можно конкретизировать с помощью социальной группы, способа деятельности, правосознания личности, региона развития и исторического периода её существования. В этом аспекте представляется возможным выделить как вид правовую культуру крестьянского сообщества второй половины XIX века, а именно правовую культуру северного крестьянства, поскольку отсутствие частнофеодальной зависимости в Архангельской, Олонецкой, частично Вологодской и Вятской губерний сформировало особый тип правоотношений государственных крестьян. По данным восьмой ревизии численность государственных крестьян в целом по Российской империи в середине XIX в. составляла 36, 12 % населения (это более 9 млн. душ) [\[3; с. 59 – 168\]](#).

На качественное состояние провинциальной правовой культуры северного крестьянства оказали влияние несколько важных факторов: история заселения Европейского Севера, род занятий, климатические и социально-экономические условия существования, а также государственное регулирование крестьянской общины.

Появление русского населения на Европейском Севере было связано с распространением экстенсивного землевладения и промысловой деятельностью. В силу указанных причин на Севере в наибольшей степени сформировалось население, которое вынуждено было приспосабливаться к особым природно-климатическим условиям, оказавшим влияние на бытовую культуру, хозяйственную деятельность, социальные связи, здесь дольше сохранились архаические традиции, воспроизводилась русская культурная традиция [\[5; с. 305\]](#).

Стремление контролировать крестьянскую общину и фискальный интерес государства в отношении казённой деревни стали причинами реформы графа П.Д. Киселёва (1837 – 1841 гг.), проводимой в рамках Министерства государственных имуществ. Прежде всего изменения коснулись системы управления и судопроизводства (в виде сельских и волостных расправ), не остались в стороне и нормы крестьянского поведения, которые основывались на религиозно-нравственных принципах, характерных для традиционных обществ. Законодательной основой реформы государственной деревни стали три основных акта: «Учреждение об управлении государственными имуществами в губерниях», «Сельский полицейский устав» и «Сельский судебный устав» для

государственных крестьян. Создание законодательной базы для государственных крестьян стало прототипом нормативных правовых актов в отношении крепостного крестьянства [\[12; с. 17 – 25\]](#).

Реформа 1861 г. для крестьян, вышедших из крепостной зависимости, также ввела органы самоуправления и специального суда – волостного, который при принятии решений мог руководствоваться местным обычаем. Волостной суд стал уникальным способом правовой деятельности крестьян. Он «выхватывал» обычай из массы других социальных норм и решал мелкие уголовные проступки и гражданские споры на основе обычно-правовой нормы. Рационализируемые силой суда местные обычаи становились частью обычного права, и вместе с тем частью крестьянской правовой культуры, впервые признанной на государственном уровне. Закон «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений» [\[10\]](#) 1866 г. распространил административные преобразования реформы 1861 г. на население государственной деревни, тем самым ликвидировав результаты реформы П.Д. Киселёва.

Судебная реформа 1864 года, изменившая систему правосудия России, сохранила волостной суд: «судебная власть... крестьянских судов определяется особыми о них постановлениями» (примечание ст. 2 Учреждения судебных установлений) [\[16\]](#). Устав уголовного судопроизводства в ст. 34 содержал норму, согласно которой из подсудности мировых судей изымались дела «сельских обывателей», подведомственные их собственным судам [\[15\]](#). Под судами для сельских обывателей имеют в виду волостные суды, предусмотренные ст. 101 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [\[9\]](#). С введением в действие Общего положения волостным судам было предоставлено право принимать решения или на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, или на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту (ст. 107).

Правовые обычаи – важная часть правовой культуры крестьянского сообщества. Они регламентировали существование общей семейной собственности, семейных разделов, опеки, вопросов наследства и артелей. Закон придал местным обычаям юридическую силу, тем самым сделав их основой для решений волостного суда. Традиционным для российской дореволюционной и постсоветской историографии считается мнение, что уровень крестьянской правовой культуры не позволял волостным судьям пользоваться нормами законодательства при принятии решений. Например, С.В. Пахман, основываясь на Трудах комиссии по преобразованию волостных судов, не находил связи между решениями волостных судов и нормой закона по причине неграмотности судей. «В одной местности (имеется ввиду Самарская губерния – М.А. Соснина) было прямо заявлено, что по закону судьи никогда не решают, потому что они люди тёмные, законом не смыслят» [\[11; с. 123\]](#). Считаем данное утверждение верным лишь в отношении бывших крепостных крестьян.

Современные архивные исследования всё чаще опровергают господствующую в историографии точку зрения о низкой правовой культуре крестьянства. Например, американка Дж. Бёрбанк обосновала свою позицию не этнографическими исследованиями, а архивными документами волостных судов Московской губернии с 1905 по 1917 гг. и пришла к выводу, что решения волостных судов «основывались строго на писаном праве, изложенном в “Общем положении о крестьянах” и “Уставе о

наказаниях, налагаемых мировыми судьями"» [\[17, с. 248\]](#).

В. Б. Безгин приходит к аналогичным выводам и считает, что период второй половины XIX в. – начала XX в. «стал временем активного правотворчества, которое шло в направлении сближения обычая и закона, втягивало крестьян в сферу действия официального законодательства и способствовало росту правовой культуры сельских жителей» [\[1, с. 1379\]](#). Подчеркнём, что данные исследования и выводы касаются бывших крепостных крестьян.

Для характеристики уровня правовой культуры северного крестьянства были проанализированы протоколы волостных судов пореформенной России самой большой из всех северных губерний – Архангельской. Изучение протоколов позволяет прийти к выводу, что прямое упоминание крестьянского обычая при вынесении решения встречается очень редко. Из 1082 изученных протоколов местный обычай упоминается только в 28 случаях. Наличие органов крестьянского самоуправления, созданных в ходе реформы государственной деревни 1837 – 1841 гг. (в виде сельских и волостных расправ) привело к тому, что больше половины решений волостных судов основаны на нормах «Сельского полицейского устава» и «Сельского судебного устава» для государственных крестьян, образуя сложный синтез актов двух реформ, реформы государственной деревни и крестьянской 1861 г.

Повышению уровня правовой культуры крестьянского сообщества второй половины XIX в. должна была способствовать и земская реформа. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 года [\[8\]](#) оставило провинциальный север за пределами земской реформы. Земское дело строилось на трех базовых элементах: 1) территория, пригодная для эксплуатации; 2) население, способное к общественной деятельности; 3) развитая хозяйственно-промышленная жизнь. Несмотря на острую необходимость в земствах, Правительство отрицало наличие этих элементов на Русском Севере, добавляя еще одно негативное обстоятельство – большое государственное землевладение [\[4; с. 50 – 54\]](#). В близких по социальному составу и экономическому развитию Олонецкой и Вяткой губерниях земства были введены в 1867 г., Вологодской – в 1870 г., а в Архангельской – только в 1917 г.

Основным препятствием для учреждения земств в северных губерниях, по мнению Правительства, был дефицит человеческих ресурсов, поскольку в силу отсутствия крепостного права здесь не было помещиков, а крестьянское и городское население считалось «темным» и «невежественным» [\[7; с. 5\]](#). С таким взглядом на население Архангельской, например, губернии, не соглашались местные авторы: «С глубокой убежденностью высказываю мнение, что население Архангельской губернии отнюдь не темнее любой из других северных, примыкающих к ней – Олонецкой, Вологодской, Вятской... Да едва ли далеко ушло вперед от населения Архангельской губернии «серое» население и большинства центральных губерний?» [\[7; с. 6\]](#).

Заселение севера наиболее сильными представителями новгородской вольницы, открытость путей за границу, а вместе с тем и постоянное общение с иностранцами и знание иностранных языков (особенно норвежского), уникальный поморский парусный флот, постоянное пребывание в море, лесопильная промышленность создали «на крайнем севере Европейской России тип умного, вдумчивого, энергичного и сметливого помора» [\[7; с. 6 – 7\]](#). «Крестьяне природными условиями также поставлены в необходимость постоянного передвижения как в своей, так и в соседних губерниях,

Вологодской и Олонецкой. Промыслы местные – лесной сплав, рубка и пилка леса, рыбный, охотничий, – отхожие промыслы, – главным образом в Петербург, – давно согнали с архангельского крестьянина вековую темноту» [7; с. 9]. В русле указанной тенденции развивалась ситуация и в северных губерниях [13; с. 780], это стало причиной того, что крестьяне проводили большую часть времени вне общины, активно вступая в правоотношения, регулируемые законом.

Дискуссии по вопросу об уровне правовой культуры крестьян, начавшись ещё в дореволюционной историографии, заняли значимое место в современных историко-правовых исследованиях благодаря региональным архивным исследованиям документов волостной юстиции. Для того, чтобы сделать правильные выводы, необходимо, чётко обозначить объект исследования – бывшую государственную деревню – отделив её от бывшей крепостной. Специфика исторических и правовых условий формирования двух групп крестьянства – государственных и крепостных – стала причиной неравномерного развития правовой культуры крестьян.

Сделанные в ходе мониторинга архивных документов Архангельской губернии теоретические выводы и заключения можно экстраполировать на пореформенную государственную деревню, населённую свободными сельскими обывателями – выходцами из государственных крестьян, в силу схожести социального состава и законодательного регулирования (в частности, отсутствия частно-феодалной зависимости и земств).

Особенностью организационно-правового регулирования волостного правосудия в бывшей государственной деревне является то, что категории дел и санкции соответствуют не только законодательным актам крестьянской и последующих реформ местного суда, но и нормативным правовым актам реформы государственной деревни П.Д. Киселёва 1837 – 1841 гг. Больше половины решений волостных судов основаны на нормах Сельского судебного и полицейского уставов, вошедших составной частью в Устав о благоустройстве в казённых селениях, образуя сложный синтез актов двух реформ.

В ходе настоящего исследования был опровергнут тезис о том, что крестьяне не знали и не применяли в судах законы. Более длительное существование крестьянского самоуправления в государственной деревне отразилось на правосознании государственных крестьян в части разрешения дел в волостных судах в пореформенный период. Волостные суды, применяя нормы официального законодательства, формировали прогрессивное правосознание крестьян, приближая их к общему правовому полю и равному для всех правосудию, учитывая при этом обычаи и принципы обычного права.

Таким образом, довольно высокий уровень правовой культуры северного крестьянства, сложившейся в силу уникальных условий Европейского Севера, а также значительный объем волостной судебной практики достоверно свидетельствовал о готовности крестьян Европейского Севера к буржуазным реформам. Через новые пореформенные государственно-правовые институты (волостной суд и земства) крестьяне должны были постепенно включаться в общую для всех сословий правовую культуру российского общества. Однако противоречивый характер реформ, их неравномерная реализация замедлили демократические процессы и нарушили принцип равенства всех перед законом.

Библиография

1. Безгин В.Б. Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Право и политика. – 2013. – № 10. – С. 1373–1380.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при Первом отделении Департамента Генерального Штаба. Т. 2. Ч. 1. Архангельская губерния. СПб, 1835. 282 с.
3. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам ревизий). М., 1971. 190 с.
4. Колычев А. Земство на окраинах Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 8.
5. Культура русских поморов: опыт системного исследования / Базарова Э. Л., Бицадзе Н. В., Окороков А. В., Селезнева Е. Н., Черносвитов П. Ю. / под ред. П. Ю. Черносвитова. М., 2005. 400 с.
6. Линейцева К. С. Основные подходы к пониманию правовой культуры // Вопросы теории и истории государства и права. 2010. № 4 (51).
7. Мамадышский Н. Н. Земства в Архангельской губернии. – Архангельск: Губернская типография, 1911. 28 с.
8. О губернских и уездных земских учреждениях: Положение от 1 янв. 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. № 40457.
9. О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: Общее положение от 19 февраля 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. № 36657.
10. О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о ... // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. № 42899.
11. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки): в 2 т. С. – Пб, 1879. Т. 2. 400 с.
12. Потапова Е. Ф. Реформа управления государственной деревней (1837–1841 гг.): политико-правовой аспект // Актуальные вопросы экономики и управления. Выпуск 3: сб. научных трудов / Под ред. А. А. Осипова. Тверь, 2007. 254 с.
13. Статистик. Крестьянская семья и семейная собственность в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. №№ 17 – 24. № 17.
14. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1-58. С.-Пб, 1903-1904. 58 т. Т. 26. Архангельская губерния. 1903. 320 с.
15. Устав уголовного судопроизводства: Устав от 20 ноября 1854 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. № 41476.
16. Учреждение судебных установлений: Устав от 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39 (1864). № 41475.
17. Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. – Bloomington; Ind.: Indiana Univ. Press, 2004. – 374 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

Провинциальная правовая культура северного крестьянства в контексте реализации

буржуазных реформ второй половины XIX в.

Название соответствует содержанию материалов статьи. В названии статьи автор не уточнил: «в России».

В названии статьи просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет относительный научный интерес. Автор не разъяснил выбор темы исследования и не обосновал её актуальность.

В статье не сформулирована цель исследования, не указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором. На взгляд рецензента, основные элементы «программы» исследования автором не вполне продуманы, что отразилось на его результатах.

Автор не представил результатов анализа историографии проблемы и не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор хронологических рамок исследования.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор географических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор грамотно использовал источники, стремился выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор сообщил, что «буржуазные реформы, начатые Александром II, были нацелены на достижение быстрого результата», обратив внимание, что и судебная, и земская реформы затянулись на десятилетия, а «процесс включения» крестьянства «в гражданское общество так и не был завершён до 1917 г.», объяснив это «несколькими особенностями развития государственно-правовой и общественной системы Российской империи» т.д.

В основной части статьи автор сообщил, что в современной юридической литературе сложилось несколько подходов к определению понятия «правовая культура», что «правовую культуру всего общества... можно конкретизировать с помощью социальной группы, способа деятельности, правосознания личности, региона развития и исторического периода её существования» т.д., предположив «возможным выделить как вид правовую культуру крестьянского сообщества второй половины XIX века, а именно правовую культуру северного крестьянства, поскольку отсутствие частнофеодальной зависимости в Архангельской, Олонецкой, частично Вологодской и Вятской губерний». Почему далее автор пишет «а также Северном Приуралье», не относя к нему Вятскую губернию, осталось неясно.

Далее автор пояснил, что «на качественное состояние провинциальной правовой культуры северного крестьянства оказали влияние несколько важных факторов: история заселения Европейского Севера, род занятий, климатические и социально-экономические условия существования, а также государственное регулирование крестьянской общины» т.д. Автор сообщил, что «стремление контролировать крестьянскую общину и фискальный интерес государства в отношении казённой деревни стали причинами реформы графа П.Д. Киселёва» т.д., и что «прежде всего изменения коснулись системы управления и судопроизводства (в виде сельских и волостных расправ)» т.д., затем внезапно, что «реформа 1861 г. для крестьян, вышедших из крепостной зависимости, также ввела органы самоуправления и специального суда –

волостного» т.д., и что «судебная реформа 1864 года, изменившая систему правосудия России, сохранила волостной суд» т.д.

Автор пояснил, что правовые обычаи являлись «важной частью правовой культуры крестьянского сообщества» т.д., и обосновал мысль о том, что «более длительное существование крестьянского самоуправления в государственной деревне отразилось на правосознании государственных крестьян в части разрешения дел в волостных судах в пореформенный период и повышении уровня правовой культуры в целом», проанализировав протоколы волостных судов Архангельской губерний. Распространение данного вывода на «северное крестьянство» представляется допустимым.

В следующем сюжете автор обратил внимание на то, что «повышению уровня правовой культуры крестьянского сообщества второй половины XIX в. должна была способствовать и земская реформа», но от реализации последней правительство отказалось. При этом автор, возражая реформаторам дореволюционной России, по сути, вновь указал на «факторы», повлиявшие на «состояние провинциальной правовой культуры северного крестьянства»: «Заселение севера наиболее сильными представителями новгородской вольницы, открытость путей за границу, а вместе с тем и постоянное общение с иностранцами и знание иностранных языков (особенно норвежского), уникальный поморский парусный флот, постоянное пребывание в море, лесопильная промышленность создали «на крайнем севере Европейской России тип умного, вдумчивого, энергичного и сметливого помора» т.д.

В статье встречаются неудачные выражения, как-то: «По данным восьмой ревизии численность государственных крестьян в целом по Российской империи в середине XIX в. составляла 36, 12 % населения».

Выводы автора носят обобщающий характер, сформулированы ясно.

Выводы не позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования. Выводы не отражают результатов исследования, проведенного автором, в полном объеме.

В заключительном абзаце статьи автор сообщил, что «довольно высокий уровень правовой культуры северного крестьянства, сложившейся в силу уникальных условий Европейского Севера, а также значительный объем волостной судебной практики достоверно свидетельствовал о готовности крестьян Европейского Севера к буржуазным реформам», что «через новые пореформенные государственно-правовые институты (волостной суд и земства) крестьяне должны были постепенно включаться в общую для всех сословий правовую культуру российского общества».

Автор резюмировал, что «противоречивый характер реформ, их неравномерная реализация замедлили демократические процессы и нарушили принцип равенства всех перед законом».

Заключительный абзац статьи не проясняет цель исследования.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти.

Публикация в данном виде не может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует существенной доработки, прежде всего, в части формулирования ключевых элементов программы исследования и соответствующих им выводов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью на тему «Провинциальная правовая культура северного крестьянства в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в. в

России».

Предмет исследования. Предложенная на рецензирование статья посвящена провинциальной правовой культуре «...северного крестьянства в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в. в России». Автором выбран особый предмет исследования: предложенные вопросы исследуются с точки зрения теории и истории права, судебного процесса, при этом автором отмечено, что «...изучение пореформенной деревни с учётом её социальной и региональной неоднородности – важный шаг на пути к формированию концептуального подхода в этом вопросе». Изучаются законодательство Российской Империи, имеющее отношение к цели исследования. Также изучается и обобщается большой объем научной литературы по заявленной проблематике, анализ и дискуссия с авторами-оппонентами присутствует. При этом автор отмечает, что «Доминирующая в дореволюционной и современной историографии точка зрения о низком уровне правовой культуры крестьянства всё чаще находит опровержение в связи с региональными архивными исследованиями документов волостных правлений, а именно решений волостных судов».

Методология исследования. Цель исследования определена названием и содержанием работы: «...через призму проводимых во второй половине XIX в. буржуазных реформ проанализировать её качественное состояние и внешнее проявление». Она может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов, связанных с вышеназванными вопросами и использованием определенного опыта. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана определенная методологическая основа исследования. В частности, автором используется совокупность общенаучных, специально-юридических методов познания. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить подходы к предложенной тематике и повлияли на выводы автора. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы, «...а также многомерный статистический анализ путём выявления, интерпретации содержания и взаимосвязей смысловых единиц протоколов волостных судов, нормативных правовых актов, норм обычного права». В частности, автором применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего российского законодательства и местных обычаев (обычного права). В частности, делаются такие выводы: «Изучение протоколов позволяет прийти к выводу, что прямое упоминание крестьянского обычая при вынесении решения встречается очень редко. ...Наличие органов крестьянского самоуправления, созданных в ходе реформы государственной деревни 1837 – 1841 гг. (в виде сельских и волостных расправ) привело к тому, что больше половины решений волостных судов основаны на нормах «Сельского полицейского устава» и «Сельского судебного устава» для государственных крестьян, образуя сложный синтез актов двух реформ, реформы государственной деревни и крестьянской 1861 г.» и др. Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели статьи, позволяет изучить определенные аспекты темы.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Данная тема является одной из важных в России, с правовой точки зрения предлагаемая автором работа может считаться актуальной, а именно он отмечает, что «государственная (казённая) деревня занимала особое место в социально-экономической структуре Российской империи», «Настоящее исследование дополняет уже имеющиеся в историко-правовой науке обобщения для воссоздания механизма осуществления важнейших государственных преобразований эпохи, позволяет определить общее и особенное в процессе проведения буржуазных реформ в различных регионах страны, тем более, что специфика обычного права и нормативной базы предусматривали эти различия». И на самом деле здесь должен следовать анализ работ оппонентов и НПА, и он следует в

основном в отношении НПА и судебных протоколов, автор показывает умение владеть материалом. Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только приветствовать.

Научная новизна. Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнения. Она выражается в конкретных научных выводах автора. Среди них, например, такой: «...довольно высокий уровень правовой культуры северного крестьянства, сложившейся в силу уникальных условий Европейского Севера, а также значительный объем волостной судебной практики достоверно свидетельствовал о готовности крестьян Европейского Севера к буржуазным реформам». Как видно, указанный и иные «теоретические» выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях. Таким образом, материалы статьи в представленном виде могут иметь интерес для научного сообщества. Стиль, структура, содержание. Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как посвящена провинциальной правовой культуре «...северного крестьянства в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в. в России». В статье присутствует аналитика по научным работам оппонентов, поэтому автор отмечает, что уже ставился вопрос, относительно близкий к данной теме и автор использует их материалы, дискутирует с оппонентами. Содержание статьи соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели своего исследования. Качество представления исследования и его результатов следует признать доработанным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология, результаты юридического исследования, научная новизна. Оформление работы соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография. Следует очень высоко оценить качество представленной и использованной литературы, НПА и судебной практики. Труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию всех аспектов темы.

Апелляция к оппонентам. Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Автор описывает разные точки зрения оппонентов на проблему, аргументирует более правильную по его мнению позицию, опираясь как на работы оппонентов, так и судебные решения, предлагает варианты решения проблем.

Выводы, интерес читательской аудитории. Выводы являются логичными, конкретными «Волостные суды, применяя нормы официального законодательства, формировали прогрессивное правосознание крестьян, приближая их к общему правовому полю и равному для всех правосудию, учитывая при этом обычаи и принципы обычного права». Статья в данном виде может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам, что и должно быть характерно для юридических исследований. На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи рекомендую «опубликовать».